Российская объединенная демократическая партия
ЯБЛОКО

«Зелёный» Яблоков

Фото: ИНЭС / Андрей Афанасьев

Алексей Яблоков известен всем как активный эколог, член партии «ЯБЛОКО», где он возглавляет фракцию «Зеленая Россия». В народе говорят, что партию вообще-то назвали в честь него, хотя вступил он туда намного позже. Далеко не все знают, что Алексей Владимирович — выдающийся ученый, биолог с мировым именем, член-корреспондент и советник РАН, а также председатель Совета по морским млекопитающим, которые, по его собственному признанию, являются любовью всей его жизни. Мы не цари природы, уверен Яблоков, а только один из многочисленных видов, живущих на планете. Пока мы ищем братьев по разуму где-то в необъятных просторах Вселенной, иные цивилизации существуют рядом с нами. Те же дельфины и киты, по его убеждению, безусловно, их представители. Однако к контакту с ними мы совершенно не готовы. Вот почему, вероятно, нам никак не удается достучаться до тех, кто живет намного дальше.

Беседу вела
Наталия Лескова

Алексей Владимирович, правда ли, что в детстве Вы были председателем кружка юных биологов Московского зоопарка?

В пятом или шестом классе я както попал в зоопарк и обнаружил там КЮБЗ — Кружок юных биологов. И с увлечением стал наблюдать за животными. Сначала наблюдал за лисами. Потом меня «повысили», и я наблюдал за новорожденным слоненком. В КЮБЗе я впервые оказался среди единомышленников, ребят, объединенных интересом к живой природе. Руководителем КЮБЗа был Петр Петрович Смолин (ППС) — мой первый из двух Учителей с большой буквы, один из основателей юннатского движения. Станции юных натуралистов, школьные лесничества, «голубые патрули» — все эти объединения были, говоря современным языком, немного диссидентскими. Пионерия и комсомол были организованы по территориальному принципу (районы, школы), а в КЮБЗе, например, были собраны десятки ребят из Москвы и Подмосковья, и у нас там не было ни пионерской, ни комсомольской организации. Я пропадал в зоопарке каждый день. Единственное условие, которое поставили родители: чтобы в школе все было в порядке. Нет двоек — делай что хочешь. КЮБЗ меня увлек невероятно, я понял, что это мое. Каждую субботу и воскресенье выезды: с ППС или старшими кружковцами выезжали за город для наблюдений в природе, в основном за птицами. Каждые каникулы — многодневные поездки в разные заповедники, на биостанции, даже в научные экспедиции бесплатными помощниками. При этом нам все время давали понять: сидите вы в зоопарке, не надо вам никуда ездить. Мало ли о чем они там будут на природе, у костра, разговаривать? Разумеется, мы продолжили ездить.

В 1948 году я был избран председателем КБЮЗа. А в 1949 году ППС «выжили» из зоопарка и мы, почти все старшие КЮБЗовцы, образовали Юношескую секцию Всероссийского общества охраны природы — другой известный теперь юннатский кружок. ППС и КЮБЗ сформировали меня как биолога и гражданина. Я бы так обозначил полученные в КЮБЗе жизненные уроки: общественная активность, дружелюбие, принципиальность, нетерпимость к предательству, особое отношение к природе.

Отношение к природе... Каким оно должно быть?

Вроде бы базаровская дилемма: природа — храм или мастерская? Мичуринский ответ: «Не ждать милостей от природы! Взять их...» Для меня природа — это, конечно, храм. Но храм жизнеобеспечивающий. Его надо ремонтировать и поддерживать, выстраивать поведение человека в соответствии с законами природы. «Преобразовывать» природу, поворачивая реки, нельзя.

Наверняка немало дал и университет?

Да, причем все мысли были только о биофаке, о кафедре зоологии позвоночных. Но после первой университетской сессии — страшный удар. Приказ, подписанный ректором: Яблоков в числе двадцати или тридцати студентов первого курса с биолого-почвенного, геологического и географического факультетов переводятся на химический факультет!

Как это? Почему?

На химфаке таким образом формировалось какое-то секретное отделение (много лет спустя я узнал, что это было что-то радиохимическое), куда набирали мужчин с трех естественных факультетов, которые без троек сдали первую сессию. Для меня это была трагедия. Нас было трое с биофака, не согласных стать химиками. Написали заявление ректору, что хотим посвятить себя биологии. Реакция — ноль.

Кто-то посоветовал обратиться к Т.Д. Лысенко — депутату Верховного Совета СССР от моего района. Удивительно, но он принял меня.

И как же Вы с ним общались?
Это было в здании Президиума ВАСХНИЛ. Огромный темный кабинет, он, как Гудвин, за столом в глубине. Говорю, волнуясь, что биология — призвание, помогите, мол, попасть обратно на биофак. Он прохрипел: «Вы не понимаете государственной необходимости». На этом аудиенция была окончена. Сейчас рассказал и вспомнил, что эту же фразу много лет спустя услышал от Анатолия Собчака. Я был председателем государственной экологической экспертизы по строительству высокоскоростной железной дороги Москва — Санкт-Петербург, и Собчаку, тогда мэру Санкт-Петербурга, стало известно, что большинство экспертов склоняется к отрицательному заключению по проекту. Мы оказались правы: сейчас из Питера в Москву можно доехать меньше чем за четыре часа — как раз столько предполагалось проектом ВСМ ценой затрат миллиардов рублей, вырубки тысяч гектаров лесов, нарушения охраняемых территорий. Проект ВСМ был варварский, он обогатил бы немногих, а беды принес бы сотням тысяч. Но как же Собчак тогда на меня орал!

А что же с университетом?
Начал ходить на занятия на химфак. Не ходить было нельзя — выгнали бы с волчьим билетом. Но кроме химфака я продолжал ходить на лекции на биофаке. И сдавал экзамены и там, и там. Преподаватели относились ко мне с сочувствием. Помню, я в один день сдал пять экзаменов! Через полгода на химфаке поняли, что толку не будет, и троих самых упертых, в том числе меня, перевели обратно.

Свою первую научную книгу Вы издали в 1958 году, когда вам было двадцать с небольшим.
Да, я еще будучи лаборантом опубликовал первую свою маленькую книжку «Охрана природы и ее значение для нашей страны». Работа была сделана в соавторстве с Георгием Густавовичем Боссе, бывшим членом Войскового правительства генерала Каледина. И это еще одна чудесная история. Каким образом Боссе сохранился в сталинскую эпоху? Он занимался природными каучуконосами. Каучук был стратегическим сырьем. Боссе организовал первую советскую экспедицию в Южную Америку, возглавил Всесоюзный институт каучука и гуттаперчи, открыл новый источник каучука — бересклеты — и получил за это в 1943 году Сталинскую премию. А потом скрылся от репрессий в Орехово-Зуевском педагогическом институте, где тихо преподавал ботанику. Это ППС познакомил меня с Боссе, «настропалил» написать книгу и организовал ее издание. Эта книга остается злободневной уже 55 лет.

Для меня природа — это, конечно, храм. Но храм жизнеобеспечивающий. Его надо ремонтировать и поддерживать. «Преобразовывать» природу, поворачивая реки, нельзя.

Сейчас природный каучук неактуален?
Все наши шины — это химия. Хотя, уверен, настанет время, когда человечество вернется к более широкому использованию природных соединений. Во всяком случае это безопаснее и для человека, и для природы.

Фото: Совет по морским млекопитающим / Варвара Семенова

Как вышло, что Вы решили заняться именно морскими млекопитающими, в частности белухой?

Начинаешь чем-то всерьез заниматься, и вскрывается куча интересного. Мозг у дельфинов бывает больше, чем у человека, поведение — невероятно сложное, часто непонятное, огромный звуковой репертуар даже в слышимой части акустического спектра. Поморы раньше называли белуху морской канарейкой. Ясно, что это не просто крик, это разговор. У каких-то дельфинов — явный матриархат, у некоторых китов — гаремы. Желание привлечь внимание широкой публики к этой необычности привело к тому, что мы с Сергеем Евгеньевичем Клейненбергом, моим научным руководителем, написали несколько популярных книг о морских млекопитающих. Книга «Наш друг дельфин» выдержала несколько изданий. Чтобы не раздражать ученых-коллег, написали под псевдонимом научно-фантастическую повесть о жизни дельфинов. Кстати, немало из того, что мы там с Всеволодом Бельковичем нафантазировали, сейчас подтвердилось научными данными, остальное, уверен, еще подтвердится. Стало ясно, что нельзя промышлять ни китов, ни дельфинов. Это наши братья по разуму, хотя их разум — чуждый нам. Они древнее, а может, если судить по количеству нервных клеток и связей, и «умнее». После одной из таких книжек в середине 1970-х Сергею Евгеньевичу сказали в ЦК КПСС, что рабочие завода «Светлана» прислали письмо с просьбой запретить промысел дельфинов на Черном море. «Дайте профессору Клейненбергу возможность изучать дельфинов!» — писали рабочие. Это оказалось эффективнее наших многочисленных петиций в Академию наук: промысел на Черном море запретили.

И вот в этот момент Вы, наверное, поняли: чтобы чего-то добиться в экологии, надо действовать по партийной линии. А сегодня что делать, если наука требует?

Я сторонник принципа малых дел: делай что должно и будь что будет. Каждый в доступной ему области хотя бы не должен делать никакой подлости. Уверен, что заметная моральная деградация общества, в которой мы сейчас пребываем, — кремлевский продукт. Примерно в 1997–1998 годах было решено, что надо каким-то образом отвернуть народ от политики. Вместо коммунистических рычагов страха и давления — пропаганда потребительства, православия и спорта. Рекламные щиты на улицах «Живи здесь и сейчас!» — не просто строительная реклама, это лозунг современного образа жизни. Важно только то, что здесь и сейчас. Реклама в метро несколько лет назад — роскошная женщина в мехах и надпись: «Отдайся ночью, чтобы властвовать днем». Сработало! Люди стали меньше думать о добром и вечном, полагая, что это атрибуты советского прошлого. А рыночная экономика, решили они, требует «здесь и сейчас». И вот результат.

Алексей Владимирович, Вы нередко заявляете о том, что человечество, возможно, переживает последние дни своего существования, что оно необратимо разрушило биосферу. Откуда такой страх? Ведь все кругом говорят об устойчивом развитии.

Похоже, мы выбросили в окружающую среду столько глобальных и вечных загрязнителей, что один из четырех законов экологии («природа знает лучше») перестает работать. Среда обитания необратимо меняется. Все наши попытки замедлить эти изменения — как с климатом, например, — никогда не вернут того, что было. Это не «конец света», о котором так модно говорить, а другой уровень существования человечества. Биосфера как система все жестче реагирует на влияние человека. Скоро

Фото: ИНЭС / Андрей Афанасьев

мужчины не смогут оплодотворять женщин, а женщины не смогут вынашивать детей. Уже сейчас в больших городах и районах с интенсивным применением пестицидов значительная часть беременностей заканчивается выкидышами. Никакого «устойчивого развития», о котором много говорят, не может быть. Надо бы побыстрее переходить к «кризисному управлению» развитием биосферы, чтобы хотя бы на сниженном уровне сохранить человечество. В середине прошлого века демографы прогнозировали, что к 2000 году будет 9 млрд человек, а оказалось только шесть.

Как Вы оцениваете нынешнюю экологическую политику государства?

Увы, идет открытая де-экологизация. Ликвидированы Госкомэкология, Рослесхоз, трансформирован Роскомзем. Упразднена экологическая милиция, экология в школе из обязательных предметов переведена в факультативные. Экология — потом, сейчас — обогащение любой ценой, привлечение инвестиций за счет снижения природоохранных требований. Таково политическое решение. Именно в ответ на него мы решили создать «зеленую» партию. Но это совсем другая история...

Впоследствии вы вошли в состав партии «ЯБЛОКО» как отдельная «зеленая» фракция, и даже название этой партии теперь звучит как «„ЯБЛОКО" — зеленая Россия». Но сейчас ходят слухи, что вы ушли из «ЯБЛОКА» и организовали новую общественную организацию с экологическим уклоном.

Нет-нет! «ЯБЛОКО» не раскалывается. Скорее всего это какая-то прокремлевская провокация. Недавно мы случайно узнали, что вот-вот должен состояться съезд этого новоявленного общественно-политического движения, которое носит такое же, как у нас, название — «Зеленая Россия». По закону нельзя, чтобы название нового движения повторяло «до неразличимости» ранее зарегистрированное название. А наше название существует с 2005 года. Раскопали, что возглавлять новую «Зеленую Россию» собирается Анатолий Карпов. Я его знаю. Он сделал для экологии замечательное дело, когда в 1998 году вместе с Андреем Сахаровым и Алесем Адамовичем основал «БЕЛРАД» — общественный институт по проблеме Чернобыля. Я тут же отправил Карпову личное письмо, а от «ЯБЛОКА» в Минюст послали официальное письмо с выражением возмущения.

Экология — потом, сейчас — обогащение любой ценой, привлечение инвестиций за счет снижения природоохранных требований. Таково политическое решение.

Что делают «зеленые» в партии, когда она не представлена в Госдуме?

Действительно, партия находится в тяжелом положении. Она выкинута из федерального парламента. Причем выкинута грязным образом. Нет сомнения, что и последние, и предпоследние парламентские выборы были фальсифицированы. Мы набрали достаточное количество голосов в обоих случаях. В 2003 году Путин даже позвонил Явлинскому ночью и сказал: «Поздравляю, вы прошли в парламент». А наутро оказалось, что цифры другие. То, что у партии нет парламентской фракции, резко ослабляет ее политическое влияние. Политика Кремля по отношению к «ЯБЛОКУ» — держать нас в полудохлом состоянии.

В этих условиях мы барахтаемся, как можем: пикеты, митинги, демонстрации, заявления по разным поводам. Иногда вот удается выступать в СМИ. Я много занимаюсь партийными изданиями. В яблочной серии «Экологическая политика» не так давно вышло второе расширенное издание моей небольшой книги «Окружающая среда и здоровье москвичей». В серии «Региональная экологическая политика» в этом году вышли буклеты по Якутии, Приморскому и Камчатскому краям, Волгоградской области, и совсем недавно — по Астраханской области. Каждый такой буклет — программа экологически ориентированного развития региона. Наши последние политические заявления — по экологическому варварству Сочинской олимпиады, а также в связи с IV Всероссийским съездом по охране природы, который мы расцениваем как бюрократическое «галочное» мероприятие. Поэтому, когда нас обвиняют в том, что «ЯБЛОКО» проигрывает там и сям, я часто говорю: «Не вини коня, а вини дорогу».

ПЭС 14020/03.03.2014